

Позиции Вэй Чжао и Цзян Чэ располагались наискосок друг от друга, и стоило им поднять глаза, как их взгляды inevitably пересекались, создавая довольно неловкую ситуацию. Вэй Чжао поначалу старался избегать этого, но позже сдался, решив, что нет смысла. Цзян Чэ же держался вполне спокойно, постоянно улыбаясь, хотя в этой улыбке сквозила легкая горечь.

Несмотря на скуку, все прошло без происшествий, и ежегодный новогодний банкет завершился спокойно. Вэй Чунжун получил несколько золотых слитков, отчеканенных в мастерских Министерства императорского двора.

В первый день нового года все члены императорской фамилии должны были отправиться в Храм предков для совершения обряда поклонения. Это было событие, в котором Вэй Чунжун никогда прежде не участвовал. Теперь же, когда его имя было внесено в родословную книгу, он считался полноправным членом рода Вэй и получил право участвовать в церемонии.

Внутри Храма предков, помимо табличек с именами всех императоров Великой Янь, находились таблички князей и сановников, чьи заслуги позволили им удостоиться чести быть здесь увековеченными. Вэй Чунжун смотрел на этот ряд знакомых и незнакомых имен, ощущая смутное волнение, но не мог понять его причину.

Спустя много лет, вспоминая то время, Вэй Чунжун решил, что именно этот визит в Храм предков стал моментом, когда он впервые осознал себя представителем семьи Вэй.

Возможно, из-за предстоящей свадьбы Цзян Чэ и Се Сю, настроение Вэй Чжао в течение всех праздников оставалось подавленным. Едва наступило пятое число, он, не обращая внимания на уговоры императрицы, покинул дворец, взяв с собой Вэй Чунжуна.

Вэй Чунжун, видя, что отец расстроен, пытался всячески развеселить его, но успехи его были минимальны. Он понимал, что в душевных делах человек должен разобраться сам, а слова посторонних не помогут; да и в его возрасте обсуждать подобные темы было неуместно.

В первом месяце в Лагере Сичэн наступила очередь отдыха, и Хо Цинъян получил пять дней отпуска. Поскольку в столице у него не было ни родных, ни друзей, он без лишних церемоний явился в дом князя Цинь, прихватив с собой только что испеченного жареного гуся.

Увидев это, Вэй Чунжун расхохотался:

— Брат Цинъян, ты и так мог бы прийти, зачем еще тащишь еду? Боишься, что мы тебя не накормим?

Хо Цинъян оторвал гусиную ножку и протянул её Вэй Чунжуну:

— Разве можно заткнуть тебе рот, даже если угостить чем-то вкусным? какой ты болтливый! — Разве он выглядел как человек, который стесняется?

Просто по дороге в княжескую резиденцию он заметил лоток с жареным гусем, перед которым выстроилась огромная очередь. Из любопытства он присоединился к ожидающим и, как по волшебству, подождав меньше получаса, купил последнюю птицу, которую и притащил Вэй Чжао и Вэй Чунжуну.

Вэй Чунжун, держа ножку обеими руками, с аппетитом её уписывал. Хо Цинъян спросил:

— Младший князь, а где Его Высочество? Гусь остынет, и будет уже не так вкусно.

Вэй Чунжун поднял голову и посмотрел на Хо Цинъяна с сочувствием:

— Папа это не любит. Ему нравятся разные сладости, до приторности. — Хо Цинъян, казалось, попал впросак.

Хо Цинъян не придавал этому значения. Он оставил кусок гуся Вэй Чунжуну, а сам принялся за остальное, жуя и приговаривая:

— Любишь сладости — это легко. В Южном городе ярмарка, там есть сахарные фигурки, сахарная живопись, ягоды в сахаре... всего полно. Можем прогуляться.

— Правда? Тогда пойдем, как доедим, — Вэй Чунжун не был большим любителем сладкого, но прогулка по ярмарке его заинтересовала, тем более что Вэй Чжао просидел дома несколько дней, и его стоило вытащить на воздух.

Вэй Чжао особо не хотел выходить, но Юйцзин в первый месяц года не сравнить с обычными днями: на улицах столпотворение, и ярмарка в Южном городе — это вообще что-то невероятное. В самый пик людского потока людям даже не нужно было идти самих — их несла толпа. А если кому-то требовалось в обратную сторону, то времени тратилось в два-три раза больше обычного. В такой ситуации Вэй Чжао не мог довериться Хо Цинъяну прогулку с Вэй Чунжуном и вынужден был составить им компанию.

В отличие от Вэй Чжао, который вырос во дворце и лишь изредка выбирался во Внутренний город, Вэй Чунжун знал Юйцзин как свои пять пальцев, включая все места с вкусной едой. К сожалению, он не мог об этом сказать, так как не мог объяснить источник своих знаний, и мог лишь молча сокрушаться.

Но удивительное дело: места, которые знал Вэй Чунжун, знал и Хо Цинъян. А места, которых Вэй Чунжун не знал, Хо Цинъян тоже знал. Что еще хуже, Хо Цинъян, желая угодить Вэй Чжао, игнорировал все остальные места и направлялся исключительно к лоткам с пирожными и конфетами.

Вэй Чунжун мог лишь развести руками. Они только что прошли мимо знаменитой «Утиной шеи Чжоу» и «Тофу Чэнь» — классических старинных заведений, где он бывал с Цзюнь Хуа не раз и очень хотел еще раз попробовать их вкус. Но Вэй Чжао не проявил интереса, и Хо Цинъян не остановился.

Вэй Чунжун был без гроша в кармане и мог лишь глотать слюну, идя следом. Они не прошли и нескольких шагов, как Вэй Чжао и Хо Цинъян остановились. Вэй Чунжун поднял голову и увидел, что они остановились у лотка с вывеской «Сахарная живопись Вана», вокруг которого толпилось несколько рядов людей: и взрослых, и детей.

Сахарные картины здесь продавались не напрямую, а через игру в рулетку: три монеты за один спин. На что укажет стрелка — то и достанется. На четырех углах игрового поля были изображены Четыре Божественных зверя: Голубой дракон, Белый тигр, Алый феникс и Черная черепаха. Кроме них, там были различные обычные звери.

Обычно спин на лотках с сахарными картинами стоил одну монету, а у Вана цена была втрое выше — видимо, за мастерство. Здесь не только отлично варили сахар, но и обладали высочайшим искусством литья. Образы Четырех зверей, воткнутые в подставку, выглядели как живые, и зрителям сразу же хотелось попробовать свои силы.

— Жун, иди попробуй? — Вэй Чжао, стоя у рулетки, поманил Вэй Чунжуна. Ему очень

понравился Белый тигр, но крутили колесо одни дети, и ему было неловко вступать с ними в конкуренцию, поэтому он попросил Вэй Чунжуна сделать это за него.

Вэй Чунжун вздохнул и нехотя поплелся к нему. Он был просто в ужасе от этого детского развлечения отца. Неужели в его возрасте можно еще увлекаться сахарными картинками? Это просто за гранью...

Вэй Чжао не заботило то, желает ли Вэй Чунжун этого или нет. Он притянул его к рулетке, указал на Белого тигра в правом верхнем углу и приказал:

— Жун, видишь? Вот он! — В его тоне звучала такая уверенность, что можно было поверить: Вэй Чунжун сразу же выигрывает.

Вэй Чунжун кивнул и толкнул стрелку на колесе. Что такого особенного в Белом тигре? Стрелка быстро сделала два оборота, затем начала замедляться. Она прошла мимо Голубого дракона и медленно поползла в сторону Белого тигра.

Вэй Чунжун с надеждой смотрел на стрелку, и зрители тоже заволновались. Хотя вещь и недорогая, выиграть одного из Четырех зверей было очень трудно, и когда кому-то это удавалось, люди всегда награждали победителя бурными аплодисментами.

Стрелка крутилась всё медленнее, приближаясь к Белому тигру. Вэй Чунжун, хоть и не особо горевший желанием получить сахарную картину, поневоле напрягся.

И тут стрелка остановилась — в ячейке рядом с Белым тигром, всего в миллиметре от цели. Толпа охнула с сожалением.

— Папа, я хочу крутить еще раз! — Вэй Чунжун не мог понять, почему проиграл. Он ведь точно рассчитал силу и угол. Он не верил в неудачу и решил попробовать еще раз.

У Вэй Чжао, разумеется, не было мелочи, и Хо Цинъян тут же вытащил три медяка и положил их в тарелку торговца. Вэй Чунжун очень внимательно осмотрел колесо и снова толкнул стрелку.

На этот раз он приложил меньше силы, стрелка сделала только один оборот и замедлилась, плавно скользнув к ячейке Белого тигра. Вэй Чунжун замер, ожидая, когда она остановится.

Но хотя скорость стрелки и была мала, она не останавливалась и продолжала ползти вправо, пока не выехала за пределы ячейки Белого тигра и только там затихла.

Вэй Чунжун опешил. Неужели его удача настолько плоха, что оба раза он промахнулся буквально на волосок? Он хотел попробовать еще раз, но торговец, который в это время лил картину для предыдущего клиента, указал на мелкую надпись под вывеской: каждому лицу разрешено только две попытки.

Попытки Вэй Чунжуна исчерпаны, и он был вынужден уступить место. Хо Цинъян не хотел расстраивать Вэй Чжао и тоже крутанул два раза. Результат был еще плачевнее: оба раза стрелка останавливалась на мелких зверях в центре, далеких от любого божественного животного.

Вэй Чжао расстроился и, невзирая на возможные насмешки, сам подошел крутить. Он лишь легонько толкнул стрелку, и она остановилась точно в центре ячейки с Белым тигром, ни криво, ни косо.

Вэй Чунжун и Хо Цинъян переглянулись, не зная, что сказать. Торговец, видя, что их всего трое, но они выиграли одного Белого тигра и четыре мелких зверя, предложил: не хочет ли он объединить четыре маленькие фигурки и сделать две побольше?

Вэй Чунжун тут же замахал руками, показывая, что есть не будет, и предложил торговцу сделать из четырех маленьких одну большую. Торговец подумал и сделал для них сахарную картину в виде фонаря, что вполне соответствовало новогоднему настроению.

<http://bllate.org/book/16486/1498258>